

дисциплинам, которые в них преподаются. В Парижском университете XIII века дело обстояло не совсем так. Мы видим, что он постоянно разрывался между двумя противоположными тенденциями: одна из них могла бы превратить его в центр чисто научных и беспристрастных исследований, другая — подчинить исследования религиозным целям и поставить их на службу настоящей интеллектуальной теократии.

Читая документы той эпохи, в особенности «*Chartularium universitatis Parisiensis*»*, мы легко замечаем следы обеих этих тенденций, которые то совпадают, то разделяются или даже сталкиваются одна с другой. Если отвлечься от преподавания медицины, которое в XIII веке в Парижском университете было развито еще недостаточно, то мы увидим, что очень многие посвящали себя преподаванию и изучению права. Но тогда как большинство этих людей хотели заниматься изучением римского права — основы автономного гражданского общества, зависящего только от самого себя, — папство вскоре дошло до того, что запретило преподавание римского права и потребовало, чтобы единственной разновидностью права, преподаваемого в университете, было каноническое право — основа религиозного общества, а также гражданского общества, интегрированного в религиозный организм.

То же самое происходило в преподавании философии. С тех пор как в процессе распространения «тривия» было возобновлено преподавание диалектики, находились отдельные учителя, которые придерживались исключительно этой дисциплины и отказывались подняться с ее уровня до уровня теологии. Сам Абельяр в течение довольно длительного времени оставался, причем добровольно, простым диалектиком. Но после

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов

298

обнаружения книг Аристотеля преподаватели свободных искусств добились более высокого авторитета, нежели тот, которым они пользовались в XII веке. В эпоху Абельяра человек, в совершенстве владевший диалектикой Аристотеля, был полностью лишен предметов, к которым он мог бы ее применить. Этот прекрасный инструмент оставался бесплодным — по крайней мере его не пытались использовать в области теологии, то есть в той области, которая по определению и по сути отказывалась подчиниться законам диалектики. С того момента как стали известны «Физика», «Этика» и «Метафизика» Аристотеля, у преподавателей искусств возникла обязанность не только обучать формально-логическому методу, но и передавать позитивное знание и преподавать науки, обладающие реальным содержанием. Поэтому на протяжении всего XIII века мы встречаем на факультете искусств Парижского университета большую группу преподавателей, которые не требуют ничего, кроме свободы преподавать логику, физику и этику Аристотеля, не заботясь ни о состоянии других дисциплин, ни о высших интересах теологии. Самая наглядная форма и самое грубое проявление этой тенденции — парижский аверроизм.

Другая тенденция дала себя знать на теологическом факультете, значение и влияние которого постоянно возрастали и который вскоре отодвинул факультет искусств на второй план. Там тоже появились новые веяния, отбросившие традицию, казавшуюся прочной, как никогда; и именно в тот момент она пережила глубокое потрясение. Со времени св. Ансельма Кентерберийского теология, преподаваемая на факультете учителями из Сен-Виктора, представляла собой августи-низм, не чужающийся помощи аристотелевской диалектики. Но Аристотель не давал теологии ничего, кроме способов дискуссии и изложения. Сам по себе парижский теологический факультет, то есть